

АЛЕКСЕЙ ЕФИМОВ

В ТЕ ТРУДНЫЕ ГОДЫ

(Записки о работе Московского уголовного розыска)

Особо опасен

Несмотря на то что за годы работы в уголовном розыске я, кажется, достаточно посмотрелся на преступников, некоторые запомнились на всю жизнь. И дело тут вовсе не в какой-то их особенной доблести, волевых качествах или изобретательности. Чаще всего опасные преступники ограничены и примитивны. Поражает лишь степень их падения, прямо-таки животная жестокость, ненависть к людям.

Вспоминается знаменитый в свое время Михаил Ермилов, по кличке Хрыня. На счету у него было немало преступлений. Много раз его арестовывали, но он убегал из мест заключения при первой же возможности и снова возвращался в Москву. Рослый, физически крепкий, он у своих же приятелей отнимал украденные ими деньги, вещи и все это пропивал. Хрыня всегда оказывал ожесточенное сопротивление, когда его задерживали. Запомнился он еще и потому, что от его руки погиб наш товарищ Николай Лобанов. Сейчас это имя, выбитое золотыми буквами, можно увидеть на мемориальной доске в здании Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома.

...Это произошло вечером 18 ноября 1930 года на Большой Пироговской улице. В МУРе стало известно, что именно в этот день Хрыня придет сюда к скупщику краденого за деньгами. Группа Николая Лобанова получила задание установить адрес скупщика и задержать преступника. Все это было сделано своевременно и достаточно четко с профессиональной точки зрения. Но в последний момент Ермилов, заметив окружавших его оперативных работников, бросился бежать вдоль улицы, а потом свернул в проходной двор, где лицом к лицу столкнулся с

Лобановым. Трудно сказать, что именно произошло в этот момент, чем объяснить промедление Николая Лобанова. Скорее всего, он хотел взять Хрыню живым. Но тот, увидев перед собой человека, не раздумывая выстрелил ему в голову. Подбежавшие сотрудники остановились возле упавшего Лобанова, а Хрыня, воспользовавшись этим, скрылся.

В розыске и задержании Хрыни участвовал Николай Иванович Живалов, который за два года до этого уже встречался с преступником. Встреча эта была довольно необычной и имела своеобразное продолжение.

...Как-то однажды Николай Живалов и помощник начальника отделения МУРа Валериан Владимирович Кандиано во дворе одного из домов увидели группу парней, игравших в карты. Среди них был и Хрыня, незадолго перед тем сбежавший из заключения. Заметив сотрудников уголовного розыска, вся компания разбежалась. Хрыня забежал в ближайшее парадное и бросился вверх по лестнице. Деваться ему было совершенно некуда, и наши товарищи рассчитывали задержать его тут же, на площадке. Но когда до преступника оставалось уже несколько метров, тот, не раздумывая, выпрыгнул из окна лестничной клетки третьего этажа.

— Ну все, — сказал Живалов. — Уж теперь-то он сломает себе шею.

— Похоже на то, — согласился Кандиано.

Но когда они спустились вниз, двор был пуст. Хрыни не было ни за углом, ни в соседних парадных, ни на улице. Он словно сквозь землю провалился. Не дали никаких результатов и дальнейшие поиски. На Усачовке он не появлялся, не видели его и в других местах Москвы. Было похоже, что он вообще выехал из столицы.

Но вот однажды раздался телефонный звонок. Незнакомый мужской голос попросил Николая Ивановича Живалова.

— Да, Живалов слушает.

— Здравствуй, дядя Коля! Что? Не узнаешь? Это я, Хрыня.

— Ну, здравствуй, Хрыня. Давно о тебе не слышал... Уж подумал, не случилось ли чего, а? — задав вопрос, Николай Иванович прикрыл трубку рукой и повернулся к Кандиано: — Валериан Владимирович! Хрыня звонит. Засекай... Может, успеем задержать...

— Зря беспокоились, ничего со мной не случилось, — продолжал Хрыня.

— Ну а если опять придется с третьего этажа прыгать?

— Если придется — прыгну. Не впервой, — Хрыня засмеялся. — Видел я, как вы воздух руками хватали. Вот уж, видать, обидно было, а?

— Куда же ты делся?

— А я, дядя Коля, рядом был. В двух шагах. Я тогда прыгнул как-то неудачно, ногу подвернул. Только вскочил — и снова упал. А слышу — вы уж по лестнице бежите...

— Ну а все же куда ты делся-то? — Живалов не столько Хрыню слушал, сколько торопил взглядом Кандиано, звонившего по другому телефону.

— Ладно, так уж и быть, открою секрет... Там рядом сарайчик стоял небольшой...

— Помню, но ведь он на замке был!

— Правильно. Замок-то меня и спас. Дело в том, что над дверью было окно... Вот я подполз к тому сараю, подтянулся на руках и через это окно в сарай перевалился. А потом сквозь щели за вами наблюдал.

— Ну а с ногой как же? Не хромаешь?

— Нет, дядя Коля, не хромаю. Так что хромым тебе не стоит задерживать. Дружки выручили. Извозчика наняли, к врачу доставили. У врача и жил до полного излечения.

— Как же это он согласился? Врач-то?

— А куда ему деваться, дядя Коля!

— Ну что, Валериан Владимирович, — спросил Живалов, прикрыв трубку, — узнали?

— Из автомата звонит, — ответил Кандиано. — Сейчас едем туда. Поговори с ним еще... хоть несколько минут... О чем угодно!

Но Ермилов был очень осторожным. Провести его тогда нам не удалось.

— Ну ладно, дядя Коля... Довольно гутарить. А то ваши, наверно, уже едут. — И он положил трубку.

Когда к автомату, откуда звонил Хрыня, подъехали сотрудники уголовного розыска, будка была пуста.

А через некоторое время в управлении снова раздался звонок.

— Видишь, дядя Коля, прав я был. Приехали все-таки ваши. Я за ними из парадного наблюдал. Все как тогда получилось...

— Ничего, Хрыня, далеко не уйдешь.

— Это точно. В Москве останусь. Дело у меня тут есть... Одного дядю Колю пришить надо.

После этого о нем долгое время ничего не было слышно...

Но вот в 1930 году в Москве было совершено несколько крупных квартирных краж. По их характеру — взломанные замки, сорванные запоры, высаженные двери — можно было предположить, что это работа Хрыни. Довольно быстро удалось напасть на его след. Задержали Хрыню во время одной из засад. Вместе с ним были задержаны и его дружки.

Наконец-то после долгого перерыва Михаил Ермилов снова оказался под стражей. Началось следствие. Хрыня сознался во всех преступлениях, в том числе и в убийстве Николая Лобанова. Он охотно отвечал на вопросы, не пытаясь запутать следствие или сбить его с толку. Это ускорило весь процесс, и вскоре групповое дело слушалось в Московском городском суде. Преступлений подсудимыми было совершено много, по каждому из них заслушивались свидетели, пострадавшие, выяснялись детали, степень участия каждого из подсудимых. Короче, суд продолжался не один день. И... и здесь я должен рассказать об очередном побеге Хрыни. Да, на этот раз он сбежал прямо из Московского городского суда во время перерыва. Объяснение этому может быть только одно — «примерное» поведение Хрыни во время суда усыпило бдительность конвоиров, да и вряд ли они в полной мере представляли себе, какого отчаянного преступника им поручено охранять. Когда подсудимых вели по коридору, Хрыня неожиданно вспрыгнул на подоконник, одним ударом ноги вышиб раму и выпрыгнул из окна второго этажа. Конвоиры, решив, что вслед за

ним бросятся остальные подсудимые, прежде всего оттеснили их от окна и доставили в караульное помещение. Этой задержки Хрыне вполне хватило, чтобы скрыться.

Однако, несмотря на побег одного из подсудимых, суд продолжался. Соучастники Ермилова получили различные сроки наказания, а он сам заочно был приговорен к расстрелу.

Время от времени в Московский уголовный розыск поступали сведения о том, что Хрыня находится в городе. Что он вооружен и продолжает заниматься грабежами. Однако выйти на его след нам долго не удавалось — преступник стал еще осторожнее и подозрительнее. Он не верил даже соучастникам, постоянно менял жилье, никому не сообщал о своих планах. Однако кольцо вокруг него сжималось, сотрудники МУРа все ближе подбирались к нему, узнали, где он бывает, адреса женщин, у которых он иногда прятался. Понимая, что рано или поздно ему придется встретиться с угрозиском, Хрыня лихорадочно искал, как бы пополнить запас патронов к браунингу, с которым не расставался ни на минуту. Он даже ездил в Волоколамск — там ему кто-то обещал достать патроны. Действительно, ему достали, но только к нагану. Группа сотрудников там его не застала. Он быстро уехал в Москву.

И наконец Николай Иванович Живалов получает очень важные сведения — в Электрическом переулке назначена встреча Хрыни с извозчиком, обещавшим ему достать патроны. Не один день и не одна ночь ушли на то, чтобы проверить все данные, установить имя извозчика, его адрес, выяснить дату встречи, время. И вот настал день, когда все было готово для проведения операции. Задержать Хрыню было поручено опытным оперативным работникам — Николаю Живалову, Алексею Кочкину, Петру Кузину. Руководил операцией Александр Алексеевич Жуков — начальник отделения МУРа.

В назначенный день утром все участники предстоящей операции выехали в Электрический переулок. Были тщательно осмотрены подходы к дому, дворы, лестничные площадки. В квартире, где должна была состояться встреча Хрыни с извозчиком, устраивать засаду было неудобно. Комнатка оказалась слишком маленькой, и остаться в ней незамеченным было попросту невозможно. Посовещавшись, решили брать Хрыню на улице. На случай если преступник пришлет кого-нибудь на разведку, расположились в одной из квартир, окна которой выходили в переулок. Жуков еще раз показал Кочкину и Кузину фото убийцы и как бы проэкзаменовал их в знании примет, а Живалов Ермилова знал отлично. Оружие они привели в боевую готовность.

Все расположились у окон и стали ждать. Занятие это напряженное и утомительное. Определенного времени для встречи назначено не было, и поэтому приходилось весь день внимательно разглядывать каждого прохожего.

Время шло. Начало темнеть. Стали закрадываться сомнения: неужели пропустили? Может, Хрыня что-то почувствовал и не пришел на встречу? Неужели допущена какая-то оплошность? А если встреча все-таки состоится, то в темноте задержать такого преступника, как Михаил Ермилов, будет во сто крат опаснее и сложнее. Все понимали, что это необычная засада, необычная операция. Предстоит настоящий бой с сильным и хитрым противником.

— Смотрите! — тихо сказал Живалов. — Такси. В этот переулок они нечасто заезжают...

Такси остановилось как раз напротив дома извозчика. Дверца тут же распахнулась, из машины выскочил человек в надвинутой на глаза кепке и быстро прошел во двор. Такси осталось стоять.

Все невольно повернулись к Николаю Ивановичу.

— Он! — сказал Живалов. — Хрыня!

— Ну, ребята, — Жуков быстро осмотрел всех. — По местам. Не забывайте, кого берем. Осторожнее и... решительнее.

Все быстро вышли в переулок и заняли заранее намеченные места. Теперь, куда бы ни бросился Хрыня, он обязательно натолкнется на сотрудника МУРа. Время было рассчитано чуть ли не по секундам. Едва все заняли свои позиции, как из ворот показался Хрыня. Он быстро осмотрел переулок и, не задерживаясь, бросился к такси. Стало ясно: первым на пути Хрыни окажется Алексей Кочкин.

— Стой! — крикнул он. — Не шевелиться!

Даже не оглянувшись на крик, Хрыня выхватил пистолет и дважды выстрелил в сторону Кочкина, но промахнулся. Конечно, Хрыня знал о приговоре и, судя по всему, решил живым в руки не даваться.

Иного выхода не было, — прицелившись, Алексей нажал на спусковой крючок.

Хрыня пошатнулся, бросился к воротам, где стоял Живалов.

— Стой! — пытался остановить преступника Николай Иванович, но Хрыня, не выпуская из рук пистолета, бросился вдоль переулка, целясь в Петра Кузина. Тогда снова прогремел выстрел, и Хрыня упал. Уже раненный, лежа, Хрыня успел еще два раза выстрелить в сторону Кузина и Кочкина, но промахнулся.

Во время перестрелки шофер такси тронул машину с места и пытался уехать, но громкий окрик Кочкина: «Остановись, а то стрелять буду!» — подействовал, шофер был вынужден остановиться.

Подобрав с мостовой браунинг, Николай Иванович приказал перенести Хрыню в машину, которая все еще стояла в переулке. На этом же такси наши товарищи и приехали в МУР.

Пистолет Хрыни был проверен по всем учетам, и оказалось, что он значится зарегистрированным и принадлежит командиру Красной Армии, участнику гражданской войны. Имея разрешение на его ношение и хранение, он хранил его небрежно.

Постоянно он лежал у него открыто в пустом ящике письменного стола. И вот во время очередной кражи Хрыня увидел его и забрал, как ценную находку, о которой мечтал несколько лет. О том, что вместе с похищенными вещами был украден этот пистолет с семью боевыми патронами, потерпевший не сказал.

Также было установлено, что Хрыня воспользовался такси случайно. Таксист и преступник друг друга не знали. Во время перестрелки шофер испугался и хотел уехать.

Извозчик действительно достал ему семь штук патронов, но от пистолета другой системы. Хрыня их не взял.

За операцию по ликвидации особо опасного преступника Николай Живалов,

Алексей Кочкин, Петр Кузин были награждены именным оружием — маузерами, к которым были прикреплены серебряные пластинки с надписью:

«От управления МУРа за беспощадную борьбу с бандитизмом и преступностью».

Подкоп

Как-то, проходя по нынешней Пушкинской улице, я остановился у мехового комиссионного магазина. Дом этот не изменился почти за пятьдесят лет. Да, тогда, летом 1928 года, он был таким же — немного нескладным, но добротным и чем-то внушающим уважение к себе. Я вошел внутрь. И внутри он остался прежним. Только отделка другая да в одном месте заложен проход. В 1928 году здесь тоже продавали меха, это был один из крупнейших меховых магазинов Госторга. А однажды здесь была совершена крупная даже по тем временам кража — на несколько десятков тысяч рублей. Этот случай интересен тем, что мы столкнулись не с отчаянными бандитами и головорезами, а с весьма квалифицированными ворами, имеющими очень неплохое техническое образование, знакомыми с правилами конспирации и с основами строительного дела.

У меня сохранились две вырезки из муровской многотиражки того времени. Хочу привести их полностью, тем более что они сразу введут в курс дела, дадут представление о нашей работе, да и о стиле газетных заметок двадцатых годов.

Первая называется:

«Муровцы прекрасно работают».

В ней писали:

«Четвертым районом МУРа во главе с пом. инспектора Е. М. Максимовой и А. А. Жуковым раскрыто дело о краже с подкопом из магазина Госторга на Б. Дмитровке мехов на 22 000 руб. Виновник — сын бывшего н-ка московской сысской полиции С. К. Швабе и его соучастники были арестованы и преданы суду. В деле, а также при ликвидации второй группы взломщиков во главе с Базилевым, выкравшей шелк из магазина на Арбате на 7133 рубля, из Хамовнического кооператива — на 9000 рублей и из Бауманского потребительского общества — на 7223 рублей, сотрудники 4 района проявили много инициативы и энергии. Адмотдел выдал пом. инспектора Максимовой и Жукову, а также Корнееву, Албекову и Миронову по месячному окладу».

И вторая заметка, которая целиком относится к Екатерине Матвеевне Максимовой.

«Женщина в милиции.

Тов. Е. М. Максимова десять лет работает в органах уголовного розыска.

Будучи пом. инспектора МУРа, за энергичную работу по раскрытию ряда вооруженных грабежей и убийств была награждена месячным окладом. В 1925 году получила грамоту и серебряные часы и вслед за этим благодарности за раскрытие краж с московской таможни и выдающегося дела аферистки Захаровой-Емельяновой. За десять с лишним лет своей службы ни разу не подвергалась взысканиям и замечаниям.

Тов. Максимова — живой пример того, что не только в милиции, но и в уголовном розыске женщина может быть активным и полезным работником».

Как же было раскрыто это «дело о краже с подкопом» ?

В один из летних дней 1928 года дежурный по Московскому уголовному розыску принял сообщение о краже из мехового магазина, находящегося в доме на углу Столешникова переулка и Большой Дмитровки, которая сейчас называется Пушкинской. От здания МУРа это было недалеко, и на место происшествия мы прибыли довольно быстро. Я говорю «довольно быстро», конечно имея в виду скорости, которые были доступны нам в то время. Поскольку машин у нас было очень мало, нередко приходилось добираться на трамваях, а то и пешком. Так продолжалось, пока первый начальник МУРа Александр Максимович Трепалов не решил эту проблему удивительно просто и оригинально. По соглашению с гражданским комиссариатом Москвы было принято решение, по которому городские извозчики облагались «трудовой революционной повинностью». Каждое утро во внутреннем дворе Московского уголовного розыска собиралось человек тридцать извозчиков, которые во всем своем великолепии съезжались выполнять эту самую повинность. Надо сказать, что, кроме решения чисто транспортной проблемы, мы получили, возможность очень близко общаться с людьми, знавшими буквально все, что происходит на улицах Москвы. Извозчики вскоре стали нашими помощниками и друзьями.

Так вот, прибыв на место происшествия, мы обнаружили, что кража выглядит довольно странно. Входная дверь не тронута, запоры и пломбы на месте, решетки на окнах тоже целы. Сторож, который оказался тут же, не мог сказать ничего определенного. Всю ночь он не покидал своего поста, расположенного между внутренними и внешними дверями магазина. Ничего подозрительного он не видел, не слышал, дежурство, по его словам, прошло, как никогда, спокойно.

Когда мы прошли в торговый зал, оказалось, что и здесь все в порядке. Меха были на месте — и те, что висели, и те, что были сложены в специальном шкафу.

— Простите, так вас обокрали или нет? — спросила Максимова у заведующего магазином. — Из-за чего весь шум-то?

— Пойдемте к подвал, — коротко сказал заведующий и первым стал спускаться по каменным ступеням. Вход в подвал почему-то сделали прямо из торгового зала. Очевидно, достаточно было потолкаться среди покупателей, чтобы понять — основные запасы мехов хранятся в подвале. Несложно было понять и расположение подвала и даже прикинуть хотя бы приблизительно толщину его стен, то есть фундамента дома.

Спустившись вниз, мы тщательно осмотрели весь подвал. Оказалось, что он глухой — ни одного входа, кроме центрального, здесь не нашлось. Отсеки тоже были глухие, выложенные кирпичом и вроде бы совершенно не доступные для воров.

— Прошу, — заведующий показал на взломанные шкафы. — Здесь у нас хранились самые дорогие меха.

— Почему здесь, а не в зале? — спросила Максимова.

— Подвал считался надежным хранилищем... А стоимость некоторых мехов настолько велика, что мы их попросту не рисковали оставлять на ночь в торговом

зале. И вот — пожалуйста!

Мы стояли перед узким лазом, пробитым между ступеньками кирпичной лестницы. Заглянув туда, я убедился, что он вел куда-то вглубь, под подвал.

— Куда он ведет, этот проход? — спросила Максимова у заведующего.

— Откуда мне знать... Вчера его не было.

— Интересно... Выходит, они за ночь пробили стенку... Тут нужна ударная работа. И сторож ничего не слышал?

— А что он мог услышать? Мало ли звуков может доноситься из жилого дома! Он отвечал только за дверь, за окна. Мне не в чем его упрекнуть.

— А себя?

— И себя тоже. Кто же мог предположить, что к нашему подвалу преступники подберутся из-под земли...

Екатерина Матвеевна окинула нас взглядом и остановилась на мне.

— Извини, Алексей, но, кроме тебя, в этот лаз, кажется, никто не пролезет... Комплекция у тебя в самый раз... Осторожнее только, смотри, чтоб не придавило. Не исключено, что преступники оставили какую-нибудь ловушку...

Втиснувшись в узкий лаз, я увидел при свете фонаря нечто вроде небольшого колодца, в котором была нора. Колодец, судя по всему, понадобился преступникам, чтобы обойти толстую стену. Пробивать ее они, видимо, не рискнули, боясь привлечь внимание сторожа, жителей дома. Когда я прополз через всю нору, то неожиданно оказался в небольшом отсеке. В углу стояли две бочки, ящики из-под цемента, ведра. Все это было заполнено землей. Еще куча земли была навалена в углу. Не было ни окон, ни дверей. Как он получился у строителей, этот отсек, — непонятно. Очевидно, допустили какой-то просчет при сооружении дома. А просчет оказался на руку вору. Отсюда вел только один выход — дыра в потолке, тоже узкая, прорытая совсем недавно. Земля по краям была еще сырая. Выбравшись через эту дыру на поверхность, я оказался в какой-то котельной, тоже заваленной землей. Дверь была незаперта, и я свободно вышел на улицу. Мы внимательно осмотрели двор соседнего дома, в который выходила котельная, нашли лопаты, ведра, ломы, воровской инструмент. Потом еще раз, более подробно допросили сторожа. Оказалось, что он уже несколько лет сторожит этот магазин, неоднократно поощрялась его добросовестность. Глухие удары в стене он слышал, но не придавал им значения, решив, что в какой-то квартире идет ремонт.

— И за всю ночь вы ни разу не отходили от магазина? — спросили мы его.

— Постойте, постойте!.. Отходил, два раза отходил... Минут на пять, не больше.

— К вам никто не подходил ночью или поздно вечером?

— Двое подходили... Я еще удивился — одеты прилично, а спички просят у сторожа... В субботу это было.

— И закурить попросили?

— Нет, еще сами угостили. Две папиросы дали, хорошие папиросы, я и не курил таких никогда.

— Они что-нибудь спрашивали?

— Нет, ничего... Пожелали хорошего дежурства и ушли. Да, спросили, не

холодно ли ночью... А я ответил, что, мол, ночью сижу между дверями. Внутренние на замок заперты, опломбированы, а внешние я на задвижку закрываю.

— Если они действительно подходили в субботу, — сказала мне Максимова, — значит, все воскресенье и ночь на понедельник магазин стоял уже обворованный.

— Времени сколько угодно, чтобы спрятать меха, — ответил я.

— И меха можно спрятать, и следы замести...

Когда с результатами нашей поездки ознакомилось руководство МУРа, было решено, что розыск преступников возглавит Екатерина Матвеевна Максимова, поскольку она фактически поиск уже начала.

Здесь я хочу сделать маленькое отступление и чуть подробнее рассказать о самой Екатерине Матвеевне, тем более что она была единственной женщиной в Московском уголовном розыске, которая занималась непосредственно борьбой с преступниками. Должность, которую она занимала в то время, называлась «помощник инспектора района МУРа», что соответствует теперешнему заместителю начальника отдела, — должность серьезная, ответственная. Многолетний опыт оперативной работы, настоящее мужество, смелость этой женщины, отличное знание методов сыскной работы, знание преступного мира Москвы, умение «разговорить» самого отпетого бандита — все эти качества вызывали искреннее уважение всех наших сотрудников. Екатерина Матвеевна не один раз выезжала на задержания опасных преступников, хотя вполне могла бы этого не делать. Но она знала, что ее совет, ее знания всегда могут пригодиться в критический момент. На счету Максимовой ряд раскрытых крупных преступлений. Она нередко выезжала с облавами на Хитров рынок, Смоленский, Сухаревский рынки, в ночлежные дома, которые были тогда настоящим рассадником преступности.

Помощником Екатерины Матвеевны по раскрытию кражи в меховом магазине был назначен молодой сотрудник МУРа Александр Алексеевич Жуков.

С первых дней работы он проявил незаурядные способности, быстро освоил все методы и способы оперативной работы. Несмотря на молодость, Александр Жуков привлекался к участию в раскрытии крупных хищений. При задержании вооруженных преступников он действовал смело и решительно.

Но вернемся к краже в Столешниковом переулке.

Группа Максимовой настойчиво работала буквально дни и ночи. В поисках участников похожего преступления проверялись, просматривались многочисленные архивы и учетные материалы. Но все было напрасно — подкоп, сделанный под магазин мехов, был единственным в своем роде. Мы установили, что рассчитать направление подкопа, точно выйти к подвалу, настойчиво изо дня в день выносить землю, причем так, чтобы не заметили даже жильцы, которые все время, фактически находились во дворе, мог только человек технически грамотный, осторожный и предусмотрительный.

Одновременно организовывались засады на преступников в этом районе, при обысках на территории всей Москвы особое внимание обращалось на меховые изделия, при допросах задержанных преступников незаметно, но настойчиво

разрабатывалась, если можно так выразиться, «меховая тема». Еще одна группа сотрудников постоянно держала под наблюдением рынки, вокзалы, места скупок, но все оказалось безрезультатным. Не было утешительных вестей и из подмосковных городов, куда, как мы знали, нередко скрывались преступники, чтобы отсидеться и замести следы. Для нас было ясно, что все меха где-то спрятаны, и о них вряд ли кто знает, кроме непосредственных участников кражи. Следовало усилить поиски, не оставлять без внимания ни одного, пусть даже самого незначительного факта.

И вот через несколько дней после кражи в МУРе стало известно, что в квартире, которую занимали две сестры-бездельницы, должна состояться пьянка и что туда придут несколько человек, уже известных по прошлым задержаниям. Эта квартира была у нас на примете — там часто собирались люди без определенных занятий, но с вполне определенными намерениями — прокутить неизвестно откуда появившиеся деньги.

Прикинув все «за» и «против», решено было все-таки организовать засаду. Организовали, провели ее вполне успешно, задержали всех «веселящихся». В основном это оказались мелкие воришки. Многие из них уже отсидели за те или иные преступления и теперь промышляли на рынках и вокзалах, стараясь не рисковать, чтобы не попасться снова. Но был среди задержанных некий Карпуша. Наше внимание он привлек тем, что обе руки у него были перебинтованы, в кармане лежала большая связка ключей и довольно крупная сумма денег. Сразу стало ясно, что он человек случайный в этой компании. Когда Карпуше разбинтовали кисти рук, оказалось, что пальцы его покрыты многочисленными ссадинами и кровоподтеками.

— Ну что ж, Карпуша, — обратилась к нему Екатерина Матвеевна. — Расскажи, пожалуйста, где это тебе так досталось?

— А! И рассказывать нечего... Связался с какими-то двумя парнями на вокзале, сели играть в карты, а я сдуру и выиграл... Вот они мне и дали...

— Что ж они, по рукам тебя били? Что-то я такого не слыхала...

— Почему же по рукам, это в драке я руки сбил.

— Давно драка была?

— Порядочно...

— А точнее?

— Несколько дней.

— А еще точнее?

— Четыре дня.

После этого Карпушу направили на медицинскую экспертизу. Врач, внимательно осмотрев руки Карпуши, сказал совершенно твердо: ссадины не могли быть нанесены одновременно, одним из них уже больше двух недель, другие совсем свежие, причем все они не от ударов по лицу или по телу человека, а скорее всего нанесены металлическими предметами.

— А не сбил ли он руки во время подкопа, — предположила Максимова. — К физической работе Карпуша не приучен, кирку, лопату держать не умеет, а если учесть, что работать приходилось в такой тесноте, то вполне возможно, что он — участник кражи. Организовать ее он, конечно, не смог бы. Один прорыть?.. Это

невозможно...

Но на допросах от Карпуши не удалось ничего добиться связного. Каждый день он придумывал новую версию, объясняя, где сбил руки, где достал денег, на следующее утро нагло отказывался от своих же показаний и давал новые. Одно время он говорил, что деньги у него остались от продажи каких-то вещей, потом стал уверять, что кто-то вернул ему долг, потом говорил еще что-то. Но уверенности у Карпуши с каждым днем становилось все меньше. Он чувствовал, что занимаются с ним столько дней не зря, начал нервничать и даже пытался брать на себя какие-то мифические, не подтвержденные проверкой кражи. Мы уже по опыту знали, что, если преступник берет на себя чужое преступление, значит, есть на его совести более опасное, от ответственности за которое он хочет скрыться хотя бы за тюремными стенами.

Одновременно с допросами специальная группа активно проверяла все связи Карпуши — разыскивали его друзей, знакомых женщин, выясняли адреса квартир, где он ночевал. Все полученные данные хотя и не имели прямого отношения к краже, тем не менее давали возможность правильно допрашивать, выяснять детали, о которых сам Карпуша никогда не заговорил бы, убедить его в том, что интерес к его персоне отнюдь не убывает.

Наконец он решился на отчаянный в его положении шаг. Узнав, что, заключенный, который сидел с ним в одной камере, вот-вот должен был освободиться, Карпуша уговорил его передать записку по определенному адресу. Тот согласился. А записку спрятал в ботинок под стельку, полагая, что надежнее тайника придумать невозможно. Записка Карпуши оказалась в наших руках. Так мы узнали адрес, по которому можно было найти его дружков. Еще раз мы убедились в том, что были правы с самого начала, не поверив ни единому слову Карпуши, — он врал, уваливал и тянул время, давая возможность своим дружкам принять какие-то меры.

По адресу, который указал Карпуша в записке, в тот же день устроили засаду. Еще не появляясь в этом доме, наблюдая за ним издали, приглядываясь к людям, которые заходили туда, можно было догадаться, что операция предстоит серьезная. Наши товарищи, опытные оперативники, сразу определили, что «птицы» слетаются важные, просто так в руки не дадутся, и если уж брать их, то неожиданно и быстро, чтобы они не успели даже опомниться.

Улов того вечера был довольно удачным. Всего задержали около десяти человек, все они были уголовниками, все ранее судились. При допросах Максимова, конечно, в первую очередь интересовалась Карпушей — все задержанные его хорошо знали, но, не понимая сути происходящего, неожиданно для самих себя давали очень важные показания. Припоминая сейчас те допросы, я ясно вижу их отличительную черту — они были очень детальными, выяснялись буквально мельчайшие подробности жизни, времяпрепровождения задержанных, их взаимоотношения, расчеты друг с другом, даже тон, которым кто-то из них говорил друг с другом. Именно такой вот тщательный, кропотливый допрос принес еще одно подтверждение причастности Карпуши к краже в магазине мехов. Результат выразился в короткой фразе, которую обронила одна из задержанных.

— Жлоб этот Карпуша, — сказала она как-то между прочим. — Такое манто загнал недавно, а ведь подарить обещал.

Итак, мы были на верном пути. Обращало внимание, что многие задержанные упоминали одни и те же адреса. В этих квартирах организовывали засады. Так был задержан Станислав Швабе. Надо ли говорить о нашем удивлении, когда выяснилось, что это сын бывшего начальника московской сыскной полиции, который сразу после революции сбежал за границу. А сын почему-то остался в Москве. Он имел хорошее техническое образование, но работать честно не захотел. Станислав Швабе сколотил банду бывалых опытных воров-взломщиков и начал промышлять крупными кражами. Какое-то время все сходило ему с рук, он успевал вовремя скрыться, сбить краденое. Это поднимало его авторитет в глазах подручных, и постепенно все они попали под полное его влияние. Швабе сам намечал объект будущей кражи, разрабатывал всю операцию, поручая своим друзьям лишь выполнение черновой работы.

В той же квартире, где был задержан Швабе, нашли и часть похищенных мехов. Причем спрятаны они были по тем временам довольно остроумно. Упакованные в плотный мешок, перетянутый веревками, меха были спущены за окно и висели на отвесной стене, выходящей в глухой двор. Заметить веревку, привязанную к запору форточки, мог только опытный оперативный работник. Но здесь, на квартире, была лишь небольшая часть мехов, остальные Жуков впоследствии привез уже из Минска — Швабе хотел перебросить их за границу.

Несколько дней он отказывался давать вообще какие бы то ни было показания. Все улики, доказательства не производили на него ровно никакого впечатления. На этой квартире он, мол, оказался случайно, о мехах, висевших за окном, и понятия не имел, о Карпуше и слыхом не слыхивал.

После того как показали его Карпуше из окна следственной комнаты, причем как раз в то время, когда Швабе под конвоем вели на очередной допрос, Карпуша понял всю бессмысленность дальнейшего запирательства и заговорил наконец свободно, подробно, а главное — правдиво, рассказав о краже со всеми мельчайшими подробностями. А когда эти подробности выложили Швабе, заговорил и он... И больше всего его смущало то, что показания приходилось давать женщине. Во время допросов он неоднократно видел, как к Максимовой подходили оперативные работники и просили ее подписать какие-то срочные необходимые документы, и тогда он понял, что она является руководителем большого подразделения МУРа. В те минуты Швабе вспомнил, что, когда он был еще мальчиком, отец ему часто рассказывал о сыщиках и служебно-розыскной собаке Треф с проводником Дмитриевым, которые в те годы были популярными, гремели, наводили страх на преступников, но чтобы в сыском отделении столичной полиции была бы женщина-сыщик на руководящей должности! Этого не было и не могло быть. Такие должности в то время женщинам не доверяли, считали их неспособными.

Это могло случиться только при Советской власти — допустить женщину на руководящую должность.

— Какое теперь имеет значение, кому рассказывать, кто будет допрашивать! — Екатерина Матвеевна закурила, посмотрела на Швабе. — Теперь для вас имеет

значение только одно — приговор суда. И в ваших интересах сделать все возможное, чтобы этот приговор не был для вас самым суровым.

— Боже, боже, как приходится унижаться, — Швабе покачал головой.

— По-моему, для себя этот вопрос вы решили давно, еще тогда, когда поставили себя вне закона, вы это хорошо знаете... Так стоит ли теперь жалеть о таких пустяках? Мне почему-то кажется, что вам даже должно быть интересно рассказать именно женщине про свою непутевую жизнь... Рассказывайте, Швабе. Поздновато вы вспомнили о чести и достоинстве. Рассказывайте!

Итак, для очередной кражи Швабе облюбовал большой магазин мехов. Он несколько раз заходил в него, присматривался к ценам, к мехам, к порядкам в магазине. Заходил он сюда и утром, чуть ли не первым, чтобы посмотреть, с чего начинается торговля, заходил перед самым закрытием, когда продавцы охапками уносили дорогие меха в подвал. Он подробно изучил распорядок работы магазина и даже знал, когда у какого продавца выходной. С самого начала он понял, что проникнуть в магазин через центральный вход невозможно. Во-первых, он охранялся вооруженным сторожем, а во-вторых, взламывать двери, выходящие на большую улицу, далеко небезопасно даже глубокой ночью. Внимательно осмотрев все прилегающие дворы, Швабе убедился, что в магазине нет черного хода. Вход был только один — центральный. И тогда появилась идея подкопа. Но вот так, сразу не придешь ведь и не начнешь рыть яму под магазин. Швабе достает чертежи дома, изучает толщину и глубину заложеного фундамента, систему перекрытий, систему отопления. Достал он чертежи и соседнего дома, а когда увидел на плане расположение котельной, понял, что лучшего варианта не найти. Котельная находилась в глубине двора, там редко кто бывал, кроме того, летом она вообще стояла незапертой. Общий же объем работы оказался довольно небольшим — соседний дом стоял вплотную к угловому.

Сначала пробили цементный пол котельной, с ним пришлось немало повозиться, особенно когда стало ясно, что без стука не обойтись. Но, прикинув, что до окончания работы еще далеко и к моменту кражи даже случайные свидетели забудут грохот из котельной, решили рискнуть. Все обошлось.

Приступили к рытью норы. Первое время землю выносили в сумках и сбрасывали в мусорные ящики отдаленных дворов, а в самой котельной яму маскировали железным листом и старой ветошью. Работали только днем и не более трех часов, чтобы не вызвать подозрения жильцов нижних этажей. Кстати, потом выяснилось, что многие из них не один раз слышали грохот в подвале, стуки, глухие удары, но не придавали им значения, полагая, что где-то идет ремонт. Тем более что стуки эти были слышны только днем и никому не мешали.

Как-то, придя через несколько дней на смену, преступники увидели на дверях котельной замок. Неужели подкоп замечен? Неужели за домом уже установлено наблюдение? Почти неделю к котельной никто из них не приближался. Но все было спокойно. Бросать же наполовину законченный тоннель было жалко — уж больно много физического труда потрачено на него.

Однажды Карпуша отправился к дворнику и представился работником московского коммунального хозяйства. Расспросив того о котельной, он выяснил, что истопник живет где-то в другом доме, но сейчас его в Москве нет — он уехал

на три недели куда-то в деревню к родственникам.

Подкоп был закончен в субботу, а ночью преступники уже орудовали в подвале. Меха выносили в мешках за несколько ходок, стараясь выбирать дорогие, пользующиеся спросом изделия. Кстати, двух незнакомцев, которые подходили к сторожу просить огонька и угостили его папиросами, предварительно вложив в них сильный снотворный медикамент, тоже установили. Это был сам Швабе с одним из соучастников.